

1. [CRIMEN Y CASTIGO](#)
2. [EL IDIOTA](#)
3. [MEMORIAS DE LA CASA MUERTA](#)
4. [LOS HERMANOS KARAMAZOV](#)
5. [CARTAS A MISHA](#)

1. **CRIMEN Y CASTIGO**

¡No es una forma lo bastante estética! Decididamente, no lo comprendo: ¿por qué reventar a la gente a bombazos en un asedio en toda regla es una forma más respetable? ¡El miedo a la estética es el primer indicio de la debilidad...! ¡Nunca, nunca antes he tenido conciencia de esto con mayor claridad que ahora! ¡Y ahora menos que nunca comprendo cuál es mi crimen!

(Fiódor Mijáilovich Dostoyevski. *Crimen y castigo*. Trad. Sergio Hernández-Ranera. Madrid, Akal, 2007)

Versión original

А! не та форма, не так эстетически хорошая форма! Ну я решительно не понимаю: почему лупить в людей бомбами, правильною осадой, более почтенная форма? *Боязнь эстетики* есть первый признак бессилия!.. Никогда, никогда яснее не сознавала этого, как теперь, и более чем когданибудь не понимаю моего преступления! Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!

(Фёдор Миха́йлович Достоевский. *Преступление и наказание*. М[осква], Олма-пресс, 2006 [1866]. p. 482-483).

2. **EL IDIOTA**

... cuando me pidió un tema para un cuadro, se me ocurrió que podía darle un consejo: pintar el rostro del condenado momentos antes del golpe de la guillotina, cuando todavía está en el cadalso, antes de echarse sobre la tabla.

- ¿Cómo que el rostro? ¿Sólo el rostro? –preguntó Adelaída–. Vaya un tema raro, y ¿qué clase de cuadro sería ese?

- No sé, ¿por qué iba a ser raro? –insistió el príncipe con fervor–. Recientemente vi un cuadro así en Basilea. Me gustaría hablarle de ese cuadro. Alguna vez lo haré, me dejó muy impresionado.

- Del cuadro de Basilea ya hablará más tarde –dijo Adelaída–, pero ahora descríbame el cuadro que se inspira en aquella ejecución. ¿Puede decirme cómo se lo imagina usted? ¿Cómo habría que pintar ese rostro? ¿Únicamente el rostro? ¿Qué clase de rostro?

- Es justo un minuto antes de la muerte –empezó el príncipe, con total disposición, dejándose llevar por sus recuerdos y, al parecer, olvidándose al

instante de todo lo demás—; en el preciso momento en que el reo ya había subido la escalerilla y acababa de poner el pie en el patíbulo. Entonces él miró hacia mí; yo le miré a la cara y lo comprendí todo...

(Fiódor Mijáilovich Dostoyevski. *El idiota*. Trad. Fernando Otero Macías. Barcelona, Alba, 2020)

Versión original

... realmente у меня мысль была, когда вы у меня сюжет для картины спрашивали, дать вам сюжет: нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины, когда еще он на эшафоте стоит, пред тем как ложиться на эту доску.

— Как лицо? Одно лицо? — спросила Аделаида — Странный будет сюжет, и какая же тут картина?

— Не знаю, почему же? — с жаром настаивал князь. — Я в Базеле недавно одну такую картину видел. Мне очень хочется вам рассказать. Я когда-нибудь расскажу — очень меня поразила.

— О базельской картине вы непременно расскажете после, — сказала Аделаида, — а теперь растолкуйте мне картину из этой казни. Можете передать так, как вы это себе представляете? Как же это лицо нарисовать? Так, одно лицо? Какое же это лицо?

— Это ровно за минуту до смерти, — с полной готовностью начал князь, увлекаясь воспоминанием и, по-видимому, тотчас же забыв о всем остальном, — тот самый момент, когда он поднялся на лесенку и только что ступил на эшафот. Тут он взглянул в мою сторону; я поглядел на его лицо и всё понял...

(Федор Михайлович Достоевский. *Идиот*. Часть первая, V. 1867-1869. p. 141-142)

3. MEMORIAS DE LA CASA MUERTA

Cuando empezaba a oscurecer nos metían en los barracones, donde permanecíamos encerrados toda la noche. Siempre se me hacía duro volver del patio a nuestro barracón. Era una habitación de techo bajo, alargada y sofocante, débilmente alumbrada por dos velas de sebo, con un hedor pesado y asfixiante. No comprendo ahora cómo pude vivir en ella diez años. En el camastro corrido yo ocupaba tres tablas: ese era todo mi sitio. Esos camastros los ocupaban, en nuestra única habitación, treinta hombres. En invierno nos encerraban pronto: había que esperar unas cuatro horas a que todos se durmieran. Hasta entonces, todo era bulla, jaleo, carcajadas, tacos, tufo, mugre, ruidos de cadenas, cabezas rapadas, rostros marcados, ropas harapientas. Sí, denostado, degradado... ¡el hombre sobrevive! El hombre es un ser que se acostumbra a todo; esa es, pienso, su mejor definición.

(Fiódor Mijáilovich Dostoyevski. *Memorias de la casa muerta*. Cap. I. “La casa muerta”. Trad. Jesús García Gabaldón y Fernando Otero Macías. Barcelona, Alba, 2017)

Versión original

Мертвый дом

Когда смеркалось, нас всех вводили в казармы, где и запирали всю ночь. Мне всегда было тяжело возвращаться со двора в нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым, удушающим запахом. Не понимаю теперь, как я выжил в ней десять лет. На нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока все засыпали. А до того — шум, гам, хохот, ругательства, звук цепей, чад и копоть, бритые головы, клейменные лица, лоскутные платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живуч человек! Человек есть существо ко всему привыкающее, и, думаю, это самое лучшее его определение.

(Федор Михайлович Достоевский. “мертвый дом”. *Записки из мертвого дома*. Москва, Издательство Проспект, 2013 [1860-61])

4. LOS HERMANOS KARAMÀZOV

Pero dime [Iván]: ¿existe Dios, sí o no? ¡En serio! En este momento necesito que lo digas en serio.

— No, Dios no existe.

— Alioshka, ¿existe Dios?

— Sí.

— Iván, y ¿existe la inmortalidad, sea la que sea, incluso la más pequeña, la más diminuta?

— ¿Ninguna?

— Ninguna.

— ¿Cero absoluto? ¿O hay algo? ¿Es posible que al menos exista algo? ¡No dirás que no hay nada!

— Cero absoluto.

— Aliosha, ¿existe la inmortalidad?

— Sí.

— ¿Y Dios y la inmortalidad?

— Tanto Dios como la inmortalidad. La inmortalidad está en Dios.

— Hum. Probablemente Iván tenga razón. Señor, y ¡pensar todo lo que el hombre ha entregado a la fe, todas las fuerzas que ha gastado en balde en nombre de este sueño y desde hace tantos miles de años! Pero ¿quién se ríe del hombre de ese modo? ¿Iván? Por última vez, definitivamente: ¿existe Dios o no? ¡Te lo pregunto por última vez!

— Y por última vez digo que no.

- Pero, entonces, ¿quién se ríe de la gente, Iván?
- Debe de ser el demonio. — Iván Fiódorovich se sonrió burlonamente.
- ¿Y el demonio existe?
- No, el demonio tampoco existe.
- Lástima. Que el diablo me lleve, ¡lo que le haría, después de esto, al primero que inventó a Dios! ¡Sería poco colgarlo de un triste álamo!
- No existiría civilización alguna de no haberse inventado Dios.

(Fiódor Mijáilovich Dostoyevski. *Los hermanos Karamazov*. Trad. Fernando Otero, Marta Sánchez-Nieves Fernández y Marta Rebón Rodríguez. Barcelona, Alba, 2004)

Versión original

А все-таки говори [Иван]: есть бог или нет? Только серьезно! Мне надо теперь серьезно.

- Нет, нету Бога.
- Алешка, есть Бог?
- Есть Бог.
- Иван, а бессмертие есть, ну так какое-нибудь, ну хоть маленькое, малюсенькое?
- Нет и бессмертия.
- Никакого?
- Никакого.
- То есть совершеннейший нуль или нечто? Может быть, нечто какое-нибудь есть? Все же ведь не ничто!
- Совершенный нуль.
- Алешка, есть бессмертие?
- Есть.
- А Бог и бессмертие?
- И Бог, и бессмертие. В Боге и бессмертие.
- Гм. Вероятнее, что прав Иван. Господи, подумать только о том, сколько отдал человек веры, сколько всяких сил даром на эту мечту, и это столько уж тысяч лет! Кто же это так смеется над человеком? Иван? В последний раз и решительно: есть Бог или нет? Я в последний раз!
- И в последний раз нет.
- Кто же смеется над людьми, Иван?
- Черт, должно быть, — усмехнулся Иван Федорович.
- А черт есть?
- Нет, и черта нет.
- Жаль. Черт возьми, что б я после того сделал с тем, кто первый выдумал Бога! Повесить его мало на горькой осине.
- Цивилизации бы тогда совсем не было, если бы не выдумали Бога.

(Федор Михайлович Достоевский. *Братья Карамазовы*. Том 1. Хárьков, DirectMEDIA / фолио, 2012 [1879-1880]. p. 141-142)

5. **CARTAS A MISHA**

«Hoy, 22 de diciembre, nos llevaron a la plaza Semiónovskaya. Ahí nos leyeron a todos la sentencia de muerte, nos permitieron besar la cruz, rompieron las espadas sobre nuestras cabezas y nos pusieron las camisas blancas para recibir la muerte. Después amarraron al poste a los primeros tres para llevar a cabo la ejecución. Yo era el sexto y nos llamaban de tres en tres, por lo tanto estaba en el segundo grupo y no me quedaba de vida mas de un minuto. Me acordé de ti, hermano, de todos los tuyos; en ese último minuto tú, únicamente tú, estabas en mi mente; sólo entonces me di cuenta de cuánto te quiero, querido hermano mío. Alcancé a abrazar a Pleshéiev y a Dúrov, que estaban junto a mí, y después me despedí de ellos.

En eso se oyó el toque de retirada. Los que estaban amarrados al poste fueron devueltos a su lugar y nos leyeron que su Majestad Imperial nos concedía la vida. Después siguieron las verdaderas sentencias.»

(Fiódor Mijáilovich Dostoyevski. *Cartas a Misha (1838-1864)*. Trad. Selma Ancira. Barcelona, Grijalbo- Mondadori, 1995. P. 153)

Versión original

Достоевский в процессе петрашевцев

«Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к Кресту, переломили над головою шпаги и устроили нащ предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плешеева, Дурова, которые были возле и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры».

(Ф. М. Достоевский. *Письма. 1832-1849 гг.* М.М. Достоевскому 22 декабря 1849. Петербург. Петропавловская крепость 22 декабря. DirectMEDIA, 1926. p. 3169 [1849])